
НАРРАТОЛОГИЯ, СТИЛИСТИКА, ТЕОРИЯ ТЕКСТА

NARRATOLOGY, STYLISTICS, AND TEXT THEORY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 7–14.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500):7-14.

Научная статья

УДК 83.3(2Рос-Рус)6

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-7-14

СОБЫТИЙНЫЙ АСПЕКТ В НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ЖЕНСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ «ПАМЯТНЫХ ЗАПИСОК» Г. И. РЖЕВСКОЙ)

Евгения Валерьевна Акиншина¹, Елена Александровна Селютина²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, akinshina.evgeniya@mail.ru

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, l22502@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5982-6208

Аннотация. В статье исследуется событийный аспект в нарративных стратегиях женского эго-письма на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской. Актуальность данной темы обусловлена тем, что нарратологический метод учитывает проблему конструирования идентичности, применимый к нарративам различного типа, позволяет исследовать в том числе нехудожественные произведения под новым углом зрения, в связи с чем возобновляется интерес к текстам, ранее бывшим на периферии филологического интереса. Анализ эго-письма в контексте нарратологического метода открывает возможность изучения структуры и семантики художественного мира наррации с точки зрения ценностного ранжирования событий. Исходя из полученных результатов, можно отметить, что конструирование женского эго-нарратива определяется нарративной стратегией, объективно зависящей от контекста эпохи и ее ведущих стилей (сентиментальный дискурс, классицистическая дидактика), субъективно обусловленной специфическим статусом нарратора внутри системы обучения девушек-институток, особенностями его личности. На примере анализа нарративного эпизода (большого нарратива) показано, какие стратегии конструирования нарратива демонстрируют профессиональный статус нарратора: возможности саморефлексии в традиционном жанре «записок», отсутствие интроспекции нарратора в сознание других героев при внутренней фокализации, перцептивный персональный способ передачи событий, исповедальный характер повествования, диететический тип наррации, ненадежный тип наррации, энигматический тип интриги. Выявленные в ходе исследования противоречия между имплицитной и эксплицитной целью создания «Памятных записок» позволяют сделать вывод о сложности фигуры нарратора и, соответственно, конструируемого им мира: взаимодействие бессознательно воплощенного внутреннего конфликта и осознанно выбранных стратегий организует нарратив.

Ключевые слова: память, нарратив, нарратор, записки, мемуаристика, женское эго-письмо, мнемический нарратив, наррататор.

Для цитирования: Акиншина Е. В., Селютина Е. А. Событийный аспект в нарративных стратегиях женского письма (на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 7–14. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-7-14.

Original article

THE EVENT ASPECT IN NARRATIVE STRATEGIES OF FEMALE WRITING (BASED ON THE MATERIAL OF G. I. RZHEVSKAYA'S "MEMOIRS")

Evgeniya V. Akinshina¹, Elena A. Selyutina²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, akinshina.evgeniya@mail.ru

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, l22502@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5982-6208

Abstract. This article is devoted to the study of the event aspect in the narrative strategies of female ego-writing based on the material of G. I. Rzhevskaya's "Memoirs". The relevance of this topic is due to the fact that the narratological method, which takes into account the problem of identity construction and is applicable to various types

of texts, allows us to explore non-fictional works from a new angle, which leads to renewed interest in materials that were previously on the periphery of research interest. In particular, the analysis of ego-writing in the context of the narratological method opens up the possibility of studying the structure and semantics of the artistic world of narrative in terms of the value ranking of events. Based on the results obtained, it can be noted that the construction of a female ego narrative is determined by a narrative strategy that objectively depends on the context of the era and its leading styles (sentimental discourse, classical didactics), subjectively conditioned by a specific status of the narrator within the educational system of female institutions, personality traits. Using the example of an analysis of a large narrative episode, it is shown which narrative construction strategies demonstrate the narrator's professional status: the possibilities of self-reflection in the traditional genre of "notes", the absence of introspection of the narrator into the minds of other characters during internal focalization, a perceptual personal way of conveying events, the confessional nature of the narrative, the diegetic type of narrative, the unreliable type of narrative, the enigmatic type of intrigue. The contradictions revealed in the course of the study between the implicit and explicit purpose of creating "Memos" allow us to conclude about the complexity of the narrator's figure and, accordingly, the world he constructs: the interaction of an unconsciously embodied internal conflict and consciously chosen strategies organizes the narrative.

Keywords: memory, narrative, female ego-narrative, memory narrative.

For citation: Akinshina EV., Selyutina EA. The Event Aspect in Narrative Strategies of Female Writing (Based on the Material of G. I. Rzhevskaya's "Memoirs"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):7-14. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-7-14

Введение

Рубеж XX–XXI веков характеризуется междисциплинарным синтезом в гуманитарных науках, в частности, особым «нарратологическим поворотом» [6. С. 29], актуализирующим нарративный метод как новый инструмент познания культуры, искусства, социума и психологии отдельной личности. Такой подход, учитывающий проблему конструирования идентичности, применимый к текстам различного типа, позволяет исследовать в том числе нонфикциональные произведения под новым углом зрения, в связи с чем возобновляется интерес к материалам, ранее бывшим на периферии исследовательского интереса. В этом контексте является актуальным изучение женского эго-нарратива, исследующегося в связи с проблемой «женского канона», непроявленности женщин в дискурсе литераторов XVIII–XIX века (см., например, [9], [20]), ретроспективном изучении гендерности как таковой (см., например, [4], [5]). В связи с чем пересмотру подвергаются сочинения Екатерины II, Екатерины Дашковой, Анны Буниной, Надежды Дуровой, Евдокии Ростопчиной, Елены Ган и др. Для нас имеет принципиальное значение взгляд на женское письмо, представленный в работах И. Л. Савкиной [14], М. П. Абашевой [1], А. Б. Богдановской [10], Е. О. Труфановой [17], Н. В. Александровой [2, 3], учитывающих культурспецифическую обусловленность женского неинституционального письма, определяющих гендерную ориентированность эго-письма как наиболее влиятельную в определении проблемно-тематических позиций жанров-меморатов. Таким образом, практика ведения дневника,

которая была широко распространена среди представителей дворянского сословия в XIX веке вне зависимости от гендера (Е. Р. Дашкова, императрица Екатерина II, А. И. Дружинин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. И. Тургенев, император Николай II, князь Ф. Ф. Юсупов и т.д.), должна анализироваться не только и не столько в контексте границ жанра («записки», «воспоминания», «дневник»), сколько как область самоосмысления женщины/мужчины и определения границ идентичности. Кроме того, специфика нарратора женского дневника, не считающегося профессиональным в силу положения женщин-литераторов в этот период (об этом подробнее см. [14. С. 12–15]), может быть пересмотрена в отношении некоторых групп писательниц, получивших образование в женских образовательных учреждениях, подобных Смольному институту. Материалом данной публикации являются «Памятные записки» кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины, фрейлины Екатерины II, одной из «смолянок Левицкого», впервые изданные в 1871 году¹ и вновь появившиеся в сборнике «Дневники институток» (издательство «Новое литературное обозрение»²). Записки оставлены экстраординарным нарратором: Глафира Ивановна выпустилась из института в 1776 году — это первый выпуск, закончила обучение «первою», награждена золотой медалью первой величины и «знаком отмены» — золотым вензелем Екатерины

¹ Ржевская Г. И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив, 1871. С. 1–52.

² Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 33–66.

на белой ленте с тремя золотыми полосками. Цель настоящей статьи — выявление особенностей конструирования женского эго-нарратива XIX века на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской¹ в аспекте осмысления категории «событие».

Методы исследования

В ходе данного исследования мы опираемся на типологии нарратива И. В. Тивьяевой [16] и М. Бамберга [22], позволяющие проанализировать событие с точки зрения автономности и значимости. В свою очередь, под событием вслед за В. И. Тюпой [18] мы подразумеваем любое изменение (реальное или метальное), которое претерпевает субъект наррации. Инструментом для анализа повествовательных инстанций послужили уровни наррации, выявленные в работах В. Шмида [21], В. И. Тюпы [18], Б. А. Успенского [19], Ф. Штанцеля [26], Ж. Женнета [7], подходы которых взаимодополняют друг друга.

Стоит отметить, что вслед за У. Лабовым [24] под нарративом мы понимаем не столько любое устное или письменное повествование, сколько схему организации опыта, определенным образом структурированную. Структура нарратива личного опыта, предложенная У. Лабовым и Д. Валецки [24, 25], позволяет изучить эпизод, расчленив его на элементы, и выделить отклонения от классической структуры, характеризующие особенности нарратора и нарратива. Классификация типов интриги, предложенная П. Рикером [12], универсальна, поэтому дает возможность «вписать» нарратив в контекст эпохи, а также определить цель «рассказывания».

Обсуждение

Покажем, как осмысляется «Я» через самоанализ переломного события на примере фрагмента из «Памятных записок» Г. И. Ржевской², относящегося к 1776–1777 году. Нарратору записок в этот момент 8–9 лет, она обучается в первом классе. Нарратив данного эпизода по классификации И. В. Тивьяевой [23. С. 303] можно отнести к типу неавтономного мнемического, поскольку настоящая история стала ключевой в становлении личности главной героини, определив ее характер и основную модель поведения: «*Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление...*»³. По степени значимости данного воспоминания это большой нарратив [22. С. 63–79], в основе ко-

торого лежит жизнеопределяющее событие. Наказание за проявление гордыни послужило уроком: впоследствии героиня упрекала себя за недостаточную старательность, стремилась нивелировать эту отрицательную черту характера и сохранить всеобщее расположение в обществе. По уровню автономности рассказ о наказании институтки является малым нарративом [22. С. 63–79], поскольку история заключает в себе одно событие.

Опираясь на схему нарратива, предложенную У. Лабовым и Д. Валецки [24. С. 63–83], мы можем разделить эпизод на определенные части. Резюме: «Около этой же поры я действительно провинилась, и проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство; но он же послужил мне уроком, и потому я стала недоверчиво смотреть на самые качества свои»; *ориентация*: «Случилось это вследствие наказания...»; *конкретизация*: «Их поставили на колени во время обедни, а после службы простили и всем позволили играть по обыкновению...»; *разрешение ситуации*: «Образцовым поведением старалась я загладить случившееся. Старания мои увенчались таким успехом, что впоследствии ко мне стали требовательнее, чем к кому-либо <...> я стала до того строга к себе, что, чем более меня отличали, тем старательнее становилась я, желая усовершенствоваться и сохранить общее расположение»; *оценка происходящего нарратором*: «Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление <...> проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство...»; *кода*: «Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление».

Анализ показывает следующие отклонения от канонической схемы: 1. Дважды встречается оценка события: в начале и в финале текста. Повтор выражает ключевую роль в жизни нарратора; с психологической точки зрения, героиня, вспоминая этот случай, испытывает страдание от открытого проявления гордыни и продолжает борьбу с этим пороком. Христианство гласит: необходимо покаяние перед Богом. Институтка, находящаяся под влиянием религиозно обусловленного воспитания, исповедуется перед читателем. 2. Вставка дополнительных элементов: «*Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами...*»⁴. Нарратору важно подчеркнуть свою исключительность, что свидетельствует о гордыне, присущей автору в момент говорения, ведь отсутствует негативная коннотация в приведенных предложениях, невзначай подчеркивается уни-

¹ Там же.

² Там же.

³ Ржевская Г. И. *Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц.* Москва : Новое литературное обозрение, 2008. С. 39–40.

⁴ Там же.

кальность героини, что отражает ее властолюбие, заносчивость и веру в собственную исключительность. Автор настоящего фрагмента акцентирует внимание на гордыне и пути исцеления от грехов, поэтому главная тема — гордость, побочная тема — наказание. Данной истории присущ энигматический принцип интриги (модель «узнавание — откровение») [18, с. 88], поскольку нарратор открывает в себе порок (узнавание) и выбирает путь нравственного становления, о чем повествует читателю (откровение).

Опираясь на теорию линеаризации нарратива В. Шмида [21. С. 88], мы приходим к заключению: нарратор продолжительное время находится в процессе наррации, хотя фабула истории проста (преступление — наказание — раскаяние), тем самым автор расширяет историю с помощью саморефлексии, которая приносит как страдание, так и удовлетворение путем самоутверждения (героиня самолюбива, но при этом религиозна, в чем и заключается основное противоречие).

С точки зрения лингвистико-антропологического подхода, событие происходит в закрытом пространстве в кругу сверстниц, что способствует нагнетанию психологической обстановки. Психологическая реакция неоднозначна: смолянка раскаивается в грехе из-за страха перед Богом: «*Но, преследуемая угрызениями совести и страхом прогневать Бога*»¹. Героиня внутренне терзает себя ввиду давления религиозного воспитания, ею движет страх Бога, именно поэтому искренним признание в полной мере считать нельзя. Так, внутренний конфликт остается неразрешенным, а последствия таковы: ради общественного одобрения и внешнего соответствия религиозной добродетели нарратор стремится поддерживать образа во всех смыслах положительной героини.

В тексте преобладает книжная лексика, находящаяся в инвективно-дидактическом смысловом ядре (*наказание, проступок, приговор, угрызение, беда, оракул, горести*). На синтаксическом уровне прослеживаются сложные и осложненные предложения: длинные, последовательно построены, непрерывные, поэтому мы можем прийти к заключению, что воспоминание представлено в письменной форме, обдуманно и переписано неоднократно, что предоставляет возможность рассказчику обдумать логику повествования.

Пафос истории драматический, ведь в ходе наррации отражается внутренняя борьба религиозного мировоззрения и порочной природы человека: «противоречие между внутренней свободой само-

определения и внешней несвободой самопроявления» [15. С. 54–77]. Героиня, воспитанная в христианских традициях и наказанная за проявление гордыни, скрывает истинное «я». Можно выявить и наличие дидактического пафоса, свойственного литературной традиции XVIII–XIX века. Однако дидактический пафос лишь становится оболочкой истории, поскольку нарратор вводит читателя в заблуждение, повествуя о пути покаяния. Ядром является драматический пафос. Фиктивный нарратор данного эпизода эксплицитный [21. С. 38], поскольку осуществляет редуцированное самоизображение, рассказывая историю своей жизни. Формально это выражено путем использования местоимения первого лица единственного числа и его форм, глаголов первого лица. Это неспонтанный нарратив: рассказчик разрабатывал линию повествования, внедрял риторические приемы для осуществления коммуникативной стратегии — убеждения читателя в пути собственного покаяния: «*Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами <...> я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору*»². Такой прием, как антитеза (изображение героини до и после наказания), тоже свидетельствуют о риторическом модусе истории.

Все вышеперечисленные характеристики приводят к заключению: нарратор — аристократка, ученица института благородных девиц с блестящим образованием и высоким уровнем читательского опыта. Настоящая история обнажает двойственную картину мира. С одной стороны, внешнее воздействие религиозного воспитания сформировало верующего человека. С другой — эта вера основана не на любви, а на страхе. Будучи сформировавшейся личностью, Ржевская пишет о событиях из детства, чтобы поведать историю становления. Для этого используется традиционная форма дидактической литературы (создается образ мученицы, страдавшей от гордыни, но преодолевшей ее, что может послужить примером для читателя). Но истинный характер проявляется в таких фрагментах, указывающих на самолюбование Ржевской: «*Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами; они всегда собирались вокруг меня, во всем спрашивали моего совета и спорили из-за дружбы со мной*»; «*Этой выходки я не ожидала, так как я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору*»³.

Отсутствие интроспекции в сознание других персонажей, ограниченность восприятия наррато-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ра, диегетический тип наррации (нарратор-протагонист (повествование о самом себе) [21. С. 51–53]) имплицитно выражают позицию: героиня сконцентрирована на саморефлексии. Нарратор с выраженным желанием заявляет о себе как о повествователе и главном герое: об этом свидетельствует эксплицитность и диегетичность изображения, а также высокая степень выявленности. Авторитарный тип личности нарратора (об этом свидетельствует властность по отношению к подругам) проявляется в первичной степени обрамления, личном, антропоморфном и едином нарративе (поскольку передать роль нарратора для нее было бы так же болезненно, как потерять авторитет среди сверстниц) [21. С. 39–45]. Внеаходимость, субъективность, ограниченность по знанию и местонахождению свидетельствуют о ненадежном типе наррации [21. С. 45], ведь для рассказчица важно представить свое видение ситуации для получения читательского одобрения. Профессионально выстроенный текст при первом прочтении, действительно, побуждает к сочувствию героине, ведь она сумела побороть греховное начало путем страданий. Однако рассказчик невольно обличает себя повторами предложений о собственной значимости, признанием в страхе божьего гнева, а при анализе сконструированного мира наррации — высоким уровнем субъективности.

Такой тип повествования рассчитан на имплицитного нарратора, синхронного нарратору [21. С. 56–57]. Исповедальный характер «Памятных записок» предполагает безапелляционное доверие и эмоциональное сопереживание. Г. И. Ржевская пишет о жизни в Смольном институте, при дворе на рубеже XVIII–XIX веков, как следствие, предполагаемым адресатом данных воспоминаний могли быть лишь образованные люди. Специфика местопребывания и конфликта могла вызвать особый интерес у воспитанниц Смольного института. Глафира Ивановна Ржевская — первая смолянка (первый выпуск и первенство среди остальных воспитанниц) — свои «Памятные записки» адресует молодым ученицам института благородных девиц, преодоление тернистого пути от греховного начала к праведности в итоге приводит Ржевскую к благополучию и счастью. А такой порок, как гордыня, институтка в саморефлексии переводит в положительный полюс — гордость. Отчасти нарратор предвосхищает поведение воображаемого реципиента: зная особенности психологии институток, их стремление выделиться, высокий уровень соперничества, нарратор угождает истинным желаниям реципиента познать секрет благополучия при дворе.

Достичь желаемого эффекта позволяет внутренняя фокализация [21. С. 64], ведь фигура повествователя совпадает с персонажем, отражается лишь то, что известно и важно второму. Таким образом, исключительно субъективное повествование способствует глубокому сопереживанию со стороны читателя, а также позволяет отразить единственно верную точку зрения, внушаемую нарратору. Так, Ржевская предстает непорочной благородной институткой, единственным недостатком которой является отсутствие опыта и наивность, потому что ее цель — создать образ образцовой дворянки (верующей, благопристойной, образованной, сильной, милосердной, бескорыстной и, несмотря на одаренность, смиряющей гордыню), на который будут ориентироваться ее последовательницы («*Рассказ мой ... может принести пользу неопытному*»).

Опираясь на концепцию В. Шмида [21. С. 73], мы определяем способ передачи событий перцептивным персональным, так как мир воспринимается глазами героини, чья идеологическая точка зрения транслируется в тексте, а именно богобоязненность, приведшая героиню от гордыни к гордости, жажда стать образцом, ориентиром для окружающих, заполучив признание и заняв устойчивое положение в обществе (такая тяга обусловлена ранней потерей родителей, как следствие, недостатком любви, отсутствием материальной опоры, что повлекло зависимость от И. И. Бецкого и от воли правителей Екатерины II, Павла I, обладающими влиянием над ее судьбой). Момент повествования и развития событий не совпадают (нарраториальная точка зрения в плане времени [19. С. 89–100]), поскольку это мнемонический нарратив, что доказывают такие анафорические наречия времени: *с этой поры, в тот день, тогда, после этого происшествия, около же этой поры*. Нарраториальная точка зрения в зависимости от пространственной [19. С. 78–88] не маркированная, что связано с вездесущностью. Таким образом, повествовательные инстанции сливаются в одном лице. Персонаж — Глафира, Глафира Ивановна Алымова и Глафира Ивановна Ржевская — в разные периоды жизни и нарратор — Глафира Ивановна Ржевская в преклонном возрасте, вспоминающая свой жизненный путь и желающая оставить о себе след как материальный, так и метафизический — воспоминания в письменной форме. На впечатления юности наслаивается саморефлексия взрослой женщины. Именно по этой причине чередуются нарраториальная и персональная точки зрения.

Подводя итоги, мы приходим к выводу: данный мнемический нарратив открыто дидактичен, направлен на ориентацию и воспитание подобных себе (благородных девиц). Стремление к совершенствованию заложено в личности Ржевской как семейными обстоятельствами, так и двенадцатилетней учебой. Героиня мемуаров на протяжении всей жизни стремилась к всеобщему признанию и уважению, благодаря чему ей удалось добиться столь значительных успехов. На закате жизни человеку свойственны размышления о собственном наследии. Рефлексия и высвобождение гордыни созидательным способом — писательством — позволяет героине не забывать урока, преподнесенного в Смольном институте в 6 лет: скрывать порочную часть своей личности и обращать ее в противоположный полюс — гордость.

Заключение

Блестящее образование, незаурядные способности, стремление увековечить свою фигуру в исто-

рии и нахождение в высшем свете, среди профессиональных писателей (А. Н. Радищев, Г. Р. Державин), брак с писателем А. А. Ржевским и переводчиком И. П. Маскле объясняют стремление Г. И. Ржевской-Алымовой к литературе. «Памятные записки» — мемуары в традиции сентиментальной прозы рубежа XVIII-XIX веков, которые могут соперничать с профессиональным письмом этого периода. Ржевская, следуя канону, обращается к внутреннему миру героини, излагает историю исповедального характера, пронизанную дидактическим пафосом, с целью воспитать образованных дворянок. Энигматический тип интриги усиливает дидактический эффект, а размещение большого нарративного эпизода в начале произведения способствует пробуждению читательского интереса. Г. И. Ржевская-Алымова мастерски владеет литературной формой, симметричной содержанию.

Список источников

1. Абашева М. П., Воробьева Н. В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков : учебное пособие по спецкурсу. Пермь: ПониЦАА, 2007. 170 с.
2. Александрова Н. В. Любовь и дружба в русской дворянской культуре рубежа XVIII-XIX веков (по источникам мемуарного характера) // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 2. С. 33–42.
3. Александрова Н. В. Дети и детство в русской мемуаристике и портретном жанре во второй половине XVIII века // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2003. № 1 (15). С. 35–47.
4. Белова А. В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII — первая половина XIX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2007. № 16. С. 5–19.
5. Борисов С. Б. Культурантропология девичества. Шадринск: Шадр. пединститут, 2000. 87 с.
6. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42.
7. Женетт Ж. Повествовательный дискурс. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 60–282.
8. Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л. Представления о женской чести в Российской дворянской культуре (конец XVIII — начало XIX в.) // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 2 (75). С. 76–89.
9. Папилова Е. В. Образ Европы в мемуарах Е.Р.Дашковой // *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2024. № 2 (53). С. 80–87.
10. Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters). URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2347.htm> (дата обращения: 09.12.2024).
11. Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и её отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // *Вестник Челяб. гос. ун-та*. 2009. № 27 (165). С. 105–114.
12. Рикёр П. *Время и рассказ*. Т. 1–2. М. ; СПб.: Университетская книга, 1998–2000. 537 с.
13. Рикёр П. *Я-сам как другой*. М.: Изд-во гуманитар. лит-ры, 2008. 416 с.
14. Савкина И. Л. *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века* // *Новое литературное обозрение*, 2007. 416 с.
15. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. *Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика*. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 512 с.

16. Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–314.
17. Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. 2010. № 15. Эпистемология: актуальные проблемы. С. 183–194.
18. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016. 145 с.
19. Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 223 с.
20. Фатеева А. В. Екатерина II как писатель // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 121–132.
21. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
22. Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of ‘Big Stories’ from the Perspective of ‘Small Stories’ // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. 2006. P. 63–79.
23. Booksite. URL: <https://www.booksite.ru/recollection/03.htm> (дата обращения: 10.12.2024).
24. Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown: Georgetown University Round Table, 2001. P. 63–83.
25. Labov W., Waletzky, J. Narrative analysis // Essays on the Verbal and Visual Arts. 1967. P. 12–44.
26. Stanzel F. K. A theory of narrative. New York: Cambridge University Press, 1984. 336 p.

References

1. Abasheva MP., Vorob'eva NV., Russkaya zhenskaya proza na rubezhe XX-XXI vekov: Uchebnoe posobie po speckursu = Russian women's prose at the turn of the XX-XXI centuries: A textbook for a special course. Perm: PONICAA; 2007. 170 p. (In Russ.).
2. Aleksandrova NV. Lyubov' i druzhba v russkoj dvoryanskoj kul'ture rubezha XVIII-XIX vekov (po istochnikam memuarного характера) = Love and friendship in the Russian noble culture of the turn of the XVIII-XIX centuries (according to memoir sources). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1999;(2):33-42. (In Russ.).
3. Aleksandrova NV. Deti i detstvo v russkoj memuaristike i portretnom zhanre vo vtoroj polovine XVIII veka = Children and childhood In Russian memoiristics and the portrait genre in the second half of the 18th century. *Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology*. 2003;(1-15):35-47. (In Russ.).
4. Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of ‘Big Stories’ from the Perspective of ‘Small Stories’. In: Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. 2006. P. 63-79.
5. Belova AB. Russkaya devushka-dvoryanka: seksual'nost' i gendernaya identichnost' (XVIII pervaya polovina XIX vv.) = (XVIII-first half of the XIX centuries). *New Historical Bulletin*. 2007;(16):5-19. (In Russ.).
6. Booksite. Available at: <https://www.booksite.ru/recollection/03.htm> (accessed 10.12.2024).
7. Borisov SB. Kul'turanthropologiya devichestva = The cultural anthropology of girlhood. Shadrinsk: Shadrinsky Pedagogical Institute; 2000. 87 p. (In Russ.).
8. Brockmeier J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoj paradigmy = Narrative: the challenges and promises of one alternative paradigm. *Questions of philosophy*. 2000;(3):29-42. (In Russ.).
9. Fateeva A. Ekaterina II kak pisatel' = Catherine II as a writer. *Higher education In Russia*. 2006;(6):121-132. (In Russ.).
10. Labov, W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown : Georgetown University Round Table, 2001. P. 63-83.
11. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis/ In: Essays on the Verbal and Visual Arts. 1967. P. 12-44.
12. Lisicyna OI., Pushkareva NL. Predstavleniya o zhenskoj chesti v Rossijskoj dvoryanskoj kul'ture (konec XVIII — nachalo XIX v.) = Ideas about women's honor In Russian noble culture (late XVIII — early XIX centuries). In: ZHenshchina v rossijskom obshchestve = Woman In Russian society. 2015;(2-75):76-89. (In Russ.).
13. Papilova EV. Obraz Evropy v memuarah E. R. Dashkovej = The image of Europe in the memoirs of Ye. R. Dashkova. In: Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv = Culture and education: a scientific and informational journal of universities of culture and arts. 2024;(2-53):80-87. (In Russ.).
14. Prikazchikova EE. Antropologicheskaya utopiya Smol'nogo instituta i eyo otrazhenie v memuarно-avtobiograficheskoy literature vtoroj poloviny XVIII veka = The anthropological utopia of the Smolny Institute and

its reflection in the memoir and autobiographical literature of the second half of the XVIII century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(27-165):105-114. (In Russ.).

15. Rikyor P., *Vremya i rasskaz. T. 1-2 = Time and the story. Vol. 1-2*. Moscow; Saint Petersburg: University Book; 1998-2000. 537 p. (In Russ.).

16. Rikyor P., *YA-sam kak drugoj = I am different myself*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 2008. 416 p. (In Russ.).

17. Savkina IL. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka = Conversations with a Mirror and the Looking Glass: Women's Auto-documentary Texts In Russian Literature of the first Half of the 19th Century*. Moscow: New Literary Review; 2007. 416 p. (In Russ.).

18. Schmid V., *Narratologiya = Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2003. 312 p. (In Russ.).

19. Stanzel F. K. *A theory of narrative*. New York: Cambridge University Press, 1984. 336 p.

20. Tamarchenko ND., Tyupa VI., Brojtman SN. *Teoriya hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika = Theory of artistic discourse. Theoretical poetics*. Moscow: Publishing Center "Academy"; 2004. 512 p. (In Russ.).

21. The Emissia. *Offline Letters*. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2015/2347.htm> (accessed 09.12.2024).

22. Tiv'yaeva IV. *Strukturnaya organizaciya mnemicheskogo narrativa = Structural organization of mnemonic narrative*. *Siberian Philological Journal*. 2020;(1):303-314. (In Russ.).

23. Trufanova E. O. *YA-narrativ i ego avtor = Ego-narrative and its author*. *Philosophy of Science*. 2010;(15):183-194. (In Russ.).

24. Tyupa VI. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu: nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noj issledovatel'skoj raboty = Introduction to Comparative Narratology: a scientific textbook for independent research work*. Moscow: Intrada; 2016. 145 p. (In Russ.).

25. Uspenskij BA. *Poetika kompozicii: cstruktura hudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozicionnoj formy = The poetics of composition: the structure of the literary text and the typology of the compositional form*. Moscow: Art; 1970. 223 p. (In Russ.).

26. Zhenett Zh. *Povestvovatel'nyj diskurs. Kniga 2 = Narrative discourse. Book two*. Moscow: The Sabashnikovs Publishing House; 1998. pp. 60-282. (In Russ.).

Сведения об авторах

Е. В. Акинъшина — магистрант направления «Литература в кросс-культурных проекциях».

Е. А. Селютина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории медиа.

Information about the authors

E. V. Akinshina — Master degree student, Faculty of History and Philology, Russian Language and Literature Department, Chelyabinsk State University.

E. A. Selyutina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Media Theory, Chelyabinsk State University.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.